

КНИГА «РАДУНИЦА» СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА: ОБРЯДОВАЯ СИМВОЛИКА

УДК 008 : 39 : 745

<http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-40-46>

Е. Ю. Коломийцева

Московский государственный институт культуры, Химки, Московская область, Российская Федерация

e-mail: mguki135@list.ru

М. В. Скороходов

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация

e-mail: msk2002@rambler.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается первая поэтическая книга Сергея Есенина с необычным названием «Радуница» (день поминовения усопших) сквозь призму реализации в ней русской обрядовой символики. Поэт обращается к осмыслению вечного круговорота жизни и смерти, при этом делая акцент не на обреченность небытия, а на закономерную последовательную смену увядания и расцвета. Стихотворения Есенина проникнуты тонким пониманием православных обрядов и зафиксированных в фольклоре народных традиций. Символика же названия книги имеет большое значение не только для понимания этого конкретного есенинского замысла, но и для всего творчества поэта в целом – как знак реальности и возможности воскресения после гибели, веры в победу жизни над смертью, в преображение мира и человека, в нерасторжимую связь человека и природы.

Ключевые слова: «Радуница», Сергей Есенин, обрядовая символика, круговорот жизни и смерти, связь природы и человека.

Для цитирования: Коломийцева Е.Ю., Скороходов М.В. Книга «Радуница» Сергея Есенина: обрядовая символика // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2022. №5 (109). С. 40-46. <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-40-46>

BOOK «RADUNITSA» BY SERGEY YESENIN: RITUAL SYMBOLS

Elena Yu. Kolomiytseva

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Moscow region, Russian Federation

e-mail: mguki135@list.ru

КОЛОМИЙЦЕВА ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА – доктор филологических наук, заведующая кафедрой журналистики
Московского государственного института культуры

СКОРОХODOV МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ – кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН

KOLOMIYTSEVA ELENA YURIEVNA – DSc in Philology, Head of the Department of Journalism, Moscow
State Institute of Culture

SKOROKHODOV MAXIM VLADIMIRIVICH – CSc in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of
World Literature of the Russian Academy of Sciences

© Коломийцева Е.Ю., Скороходов М.В., 2022

Maxim V. Skorokhodov

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

e-mail: msk2002@rambler.ru

Abstract: This article discusses the first poetic book by Sergei Yesenin with the unusual title «Radunitsa» (commemoration of the dead) through the prism of the implementation of Russian ritual symbols in it. In it, the poet turns to understanding the eternal cycle of life and death, while focusing not on the doom of non-existence, but on the natural successive change of withering and flourishing. Yesenin's poems are imbued with a subtle understanding of Orthodox rituals and folk traditions recorded in folklore. The symbolism of the title of the book is important not only for understanding this specific Yesenin's idea, but also for the entire work of the poet as a whole as a sign of reality and the possibility of resurrection after death, faith in the victory of life over death, in the transformation of the world and man, in the indissoluble connection of man. and nature.

Keywords: «Radunitsa», Sergei Yesenin, ritual symbolism, the cycle of life and death, the connection between nature and man.

For citation: Kolomiitseva E.Yu., Skorokhodov M.V. The book «Radunitsa» by Sergei Yesenin: ritual symbolism. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts (Vestnik MGUKI)*. 2022, no. 5 (109), pp. 40-46. (In Russ.). <http://doi.org/10.24412/1997-0803-2022-5109-40-46>

«Родился я с песнями в травном одеяле...», – писал Есенин в одном из ранних своих стихотворений. Так уж суждено человеку, что рождение его сопряжено с неминуемой смертью. Таков отпущенный ему жизненный круг. И потому есенинские стихи и размышления о смерти – это понимание жизненного пути человека во всей его полноте, в радости бытия и трагедии смерти. Этот путь родственен пути природному, где расцвет и буйство красок сменяются увяданием и гибелью. Природный временной отрезок – это цикл повторяющийся: расцвет сменяется увяданием, а увядание – новым расцветом. На смену осени и зиме приходят весна и лето. И так повторяется вновь и вновь. В подобном круговороте нет обреченности небытия.

Об этом круговороте в природе – первая есенинская книга «Радуница», вышедшая в начале 1916 года, когда Есенину, приехавшему весной 1915 года в Петроград, где за полгода были опубликованы десятки его стихов, где его принимали в литературных салонах, где проходили его поэтические вечера, было двадцать лет. Тогда град Петра стал для Есенина тем местом, в котором был открыт его талант, где он получил первое признание. Именно там он стал поэтом.

Итак, «Радуница» – первая книга поэта. Название уникальное и необычное. Радуница – это день поминовения усопших, время, когда вспоминают умерших. Слово «Радуница» возникло как название есенинской книги не спонтанно. Еще живя в Москве и вынашивая замысел первой авторской книги, Есенин намеревался назвать ее «Радуница». Издать же книгу удалось в петроградском издательстве М. В. Аверьянова. Однако название осталось. Сохранил его автор и потом, существенно переработав книгу для второго и третьего изданий, вышедших в 1918 и 1921 годах. Раздел «Радуница» входил в книги Есенина «Собрание стихотворений» (том 1; 1922), «Избранное» (1922) и «Березовый ситец» (1925). Предполагался этот раздел и в неизданной книге «Руссеань» (1920). Всё это свидетельствует о том, что название было выбрано поэтом далеко не случайно и было важно и актуально на протяжении многих лет, практически в течение всей его творческой жизни.

На необычность названия книги обратил внимание уже один из ее первых рецензентов Г. Деев-Хомяковский: «... непонятно, – писал он, – почему именно г. Есенин назвал сборник “Радуница”, что понимается в смысле поминок на Фоминой усопших» [13, с. 76].

Есенин, выросший в крестьянской семье и получивший образование в земском училище и второклассной учительской школе, хорошо знал и православные обряды, и зафиксированные в фольклоре народные традиции. Он и сам не только исполнял народные песни и частушки, но и собирал фольклорные материалы. Потому и мы, чтобы глубже и полнее понять есенинский замысел, символику названия его первой книги, обратимся к русской фольклорной и православной традиции.

Итак, Радуница. Этот обряд и связанный с ним термин существовал многие столетия. По мнению М. Никифоровского, высказанному в 1870-х годах, «в христианское время великий пост сильно помешал языческим весенним торжествам и разделил праздник масленицы на две части, из которых одна перенесена к концу рождественского мясоеда, другая ко времени Пасхи и после нее» [7, с. 81]. Такое суждение во многом справедливо, однако нельзя не учитывать и раннехристианского исконного понимания Великого Поста как приготовления оглашенных к обряду крещения, который был не только символически, но и фактически, во времени, сопряжен с Пасхой. Крещение как умирание ветхого человека и воскрешение христианина идентично весеннему пробуждению природы и связанным с ним дохристианским обрядом. Здесь можно говорить о близости и наложении понятий. Неслучайно «радуница» упоминается и в «Полном православном богословском энциклопедическом словаре», как «день поминовения усопших» [8, стб. 1947].

На временную соотнесенность масленицы и радуницы, на их особую значимость в народном календаре указывает приводимая И. М. Снегиревым старинная поговорка: «Выпили пиво на Масленице, а с похмелья ломало после Радуницы», а также фрагмент народной песни: «Зять ли про тещу пивца варил, / Пива наварил да ко Масленице; / Звал ли тещу ко Радунице, / А теща пришла накануне Рождества» [11, с. 50].

Чем же интересна Радуница и связанные с этим праздником обряды? Обратимся

к старым, еще середины XIX века, изданиям. А. В. Терещенко в 1848 году писал: «Радуница происходит от слова “радоваться”. <...> Народ, поминая в это время родителей, думает, что они радуются с ними» [12, с. 27]. И. М. Снегирев, основываясь на этнографических данных, отмечал в 1837 году: «Радуница, или Навий вторник, и Троицкая суббота соединялись в древности с окличками мертвых. <...> В Гжатске и вообще в Смоленской г<убернии> у простолюдинов в родительские собираются родственники на свои кладбища плакать и пировать; а ввечеру сходятся туда молодцы и девки свыкаться, оправдывая делом русскую пословицу: “Начинают за упокой, а кончат за радость”» [11, с. 214–215]. Оценивая двойственность, присутствующую празднику, В. И. Даль производит слово «радуница» и родственные ему от слова «рад», сомневаясь, однако: «но где же тут радость! Не от родитель ли? или от радеть!» [3, стб. 1467].

А. Н. Афанасьев определяет радуницу как «праздник обновляющейся весной природы, издревле получивший значение времени, посвященного чествованию усопших; ибо с воскресением природы от зимней смерти соединялась мысль о пробуждении умерших, об освобождении их из мрачных затворов ада» [1, с. 3–4]. И. П. Калинин считал радуницу «самым важным торжеством в честь усопших»: «... можно полагать, что он <праздник Радуницы – Е.К., М.С.> был остатком древнего дохристианского поминовения умерших...» [5, с. 188].

Рассмотрение радуницы, предложенное А. Н. Афанасьевым и И. П. Калининым, позволяет увидеть этот день как звено в цепи весенних обрядовых праздников. Подобные попытки систематизации предпринимались еще в первой половине XIX века. Встреча весны – Красная горка – Радуница – так выстраивал первые весенние праздники И. М. Снегирев. Первое марта – Встреча весны – Красная горка – Радуница – расширял этот перечень А. В. Терещенко. Таким образом, Радуница – один из весенних праздников, которому придавалось особое значение, что не в последнюю очередь было связано с его закрепленностью в календаре после Пасхи.

«Радуница в Великой России, – писал И. М. Снегирев, – посвящена поминовению родителей; ибо, по мнению народному, они радуются, если их поминают и приходят с ними христосоваться» [11, с. 48]. А. В. Терещенко его дополняет: «Многие думают, что души умерших встают во время поминовений из темниц (из гробов), радуются и слушают поминальную обедню в церкви за алтарем» [12, с. 28]. Описывая обрядовые посещения кладбищ на радуницу, С. В. Максимов отмечал: «Когда яства расставлены, поминальщики окликают загробных гостей по именам и просят их попить-поесть на поминальной тризне» [6, с. 426].

Рассматривая радуницу как день, когда поминальные обряды достигают своего апогея, В. Я. Пропп писал: «Смех на могилах в праздник всеобщего воскресения природы и воскресения божества означает, что мертвые не умерли» [9, с. 23]. Значение обряда исследователь видит в намерении приобщить умерших предков «к кругообороту жизнь – смерть – жизнь, которым живет природа и который нужен земледельцу» [9, с. 23]. Если в обычное время выходят из могил и тревожат живых только заложенные, то есть умершие неестественной смертью, покойники, то в период весеннего воскресения общаются с ныне живущими родственниками предки – основатели и хранители рода.

Радуница как поминовение усопших связана не только с мыслью о воскрешении, но и с культом основателя рода, с почитанием домашнего очага. Известно, что в древности покойников хоронили непосредственно в доме или вблизи от него. Таким образом, создавался единый комплекс, в центре которого пылал очаг, оберегаемый чтимыми предками, – основателями и хранителями рода.

Весенние обрядовые праздники символизируют победу жизни над смертью. Если более ранняя по календарю масленица связана с природной стихией и вместе с тем с активным, действенным участием человека в смене мертвящей зимы воскрешающей весной, то радуница знаменует обращенность к человеку, воскрешение в сознании живущих

умерших предков. И в этом проявляется активность человека в определении своей судьбы и судьбы ушедших предков, покровителей рода, которые, в свою очередь, также влияют на живущих. Человек, как отмечает А. К. Байбурин в книге «Ритуал в традиционной культуре», превращает – посредством ритуала – естественные события в календарном изменении природы и в физическом состоянии человека в факты культуры, т. е. включает себя как активное действующее лицо в развертывание неподвластных ему в настоящее время процессов [2, с. 118].

Таким образом, слово «радуница» в названии есенинской книги имеет очень большое значение для понимания не только этого есенинского замысла, но и всего творчества поэта. Во-первых, радуница – это соединение в рамках одного дня, одного обряда христианского и дохристианского начал, соединение глубинное, основанное на общности в осмыслении праздника. Во-вторых, радуница символизирует обращенность к культу предков и домашнего очага. Дом как очаг и как символ вселенной и родина как дом, соединение через обращенность к предкам земного и иного миров – эти темы являются важнейшими для Есенина. В-третьих, радуница – это провозглашение возможности и реальности воскресения, вера в победу жизни над смертью, в преображение мира и человека. Подобные мотивы, только намеченные в первой книге, особенно характерны для маленьких поэм Есенина революционного периода, они явно звучат и во многих других его произведениях.

И, наконец, радуница – это выражение неотделимости мира природы от мира человека, нерасторжимости смерти природной и смерти человеческой и воскресения природы и входящего в нее человека. Это также одна из центральных тем, раскрываемых Есениным на протяжении всего его творческого пути.

В книге «Радуница» в соответствии с ее общим замыслом раскрывается тема годового цикла в природе: рождения – умирания – воскресения. Почти все стихотворения книги

дают картину достаточно определенного периода, который обычно можно легко выявить на основе фрагментов пейзажа или по другим деталям. Например, в стихотворении «Задымился вечер, дремлет кот на бресе...» создается достаточно определенная картина золотой осени: «Вьются паутины с золотой повети. / Где-то мышшь скребется в затворенной клети... / У лесной поляны – в свяхлах копны хлеба, – Ели, словно копыа, уперлися в небо» [4, с. 38].

Порой для характеристики времени года автор использует указание на то, кем становятся крестьяне, выполняя определенную сельскохозяйственную работу: «Слушают сказ старика косари...» («Вить») или «Темным елям снится / Гомон косарей...» («Топпи да болота»). Промежуточное положение занимают описания, в которых характеристики природы и человека неотделимы друг от друга. Сливаясь, эти описания дают единый образ: «Ой, вы, луга и дубравы, – / Я одурманен весной!» («Сыплет черемуха снегом...») или «Сядем в копны свежие под соседний стог» («Виткался на озере алый свет зари...»). В более редких случаях есть указание на конкретный день, обозначенный по народно-христианскому календарю: «Троицыно утро, утренний канон...» («Троица») или «Погадала красна девица в семик. / Расплела волна венчик из повилик» («Кручина»). Иногда в стихотворении отсутствует какая-либо «земная» характеристика состояния природы, тогда ее заменяет «небесная». «Кроткая синева» неба и «легкокрылые облака» в стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» говорят о весенне-летнем периоде.

Вошедшие в есенинскую «Радуницу» стихотворения соотносятся с теплым временем года, точнее, с промежутком от весеннего до осеннего солнцестояния, когда продолжительность дня превосходит продолжительность ночи. Исключение – финал маленькой поэмы «Микола», в котором говорится о зимнем празднике «в честь угодника Миколы», приходящемся на 6 декабря (по старому стилю). В этом произведении дается довольно широкая временная характеристика: «Веток

бисерный извив» – «Высоко стоит злотравье» – «Собирайте милость Божью / Спелой рожью в закрома» – «Осень рощи подожгла» – «На снегу звенят колосья / За косницами берез» [4, с. 12–16], то есть последовательно проходят весна, лето, осень и наступает зима. Для стихотворений «Радуницы» в соответствии с ее названием центральным становится весеннее обновление, то есть воскресение природы, круговорот годового природного цикла, где за смертью следует новое рождение.

По-иному раскрывается эта тема в произведениях, где речь идет о человеке. В стихотворении «Не с бурным ветром тучи тают...» евангельская история соотносится с современными поэту событиями. Автор описывает второе пришествие Христа, но это не мрачные апокалиптические картины, а сошествие Христа (которому грозит новое распятие!) на землю, знаменующее собой коренное преобразование всей земной жизни, новое радостное соединение земного и небесного, человеческого и божественного. Этим стихотворением Есенин противопоставляет характерным для начала XX века идеям о богооставленности человека, предлагая свое прочтение пророчеств Иоанна: «И в каждом страннике убогом / Я визнавать пойду с тоской, / Не Помазуемый ли Богом / Стучит берестяной клюкой. / И, может быть, пройду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях крылья херувима, / А под пеньком голодный Спас» [4, с. 317].

В стихотворении «Край родной! Поля как святцы...» природный мир является не только фоном, но и активным действующим лицом философских размышлений о смысле бытия, о странническом пути человека на земле. Земная жизнь человека представлена как краткий миг: «Все встречаю, все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть» [4, с. 315]. Но этот миг становится вечностью, ибо человек соединен с божественным и природным мирами. Чувством этого единства и вечности наполняется «тихая тайна» затаенных «в сердце мыслей»: «С тихой тайной для кого-то / Затаил я в сердце мысли» [4, с. 315].

В стихотворении не используется слово «смерть», но тема кратковременности пребывания человека на земле явственно присутствует. Именно это стихотворение, переработанное автором, откроет книгу Есенина «Березовый ситец» (1925). В этом издании приведенные нами слова можно будет сопоставить с финалом последнего стихотворения книги – «Не жалею, не зову, не плачу...» (далее идут поэмы «Русь» и «Пантократор»): «Все мы, все мы в этом мире тленны, / Тихо льется с кленов листьев медь... / Будь же ты вовек благословенно, / Что пришло процветать и умереть» [4, с. 164]. Это свидетельствует о том, что мысль о кратковременности пребывания человека в этом, земном, мире была характерна для разных периодов творчества Есенина, а тема страннического пути человека на земле имела особую значимость. Следует отметить, что в «Радунице» есть и произведение, заканчивающееся смертью героини, это стихотворение «Ты поила коня из горстей в поводу...», которое Есенин озаглавит позже «Подражанье песне».

В стихотворении «Поминки» поэт обращается к поминальной обрядности. В этом тексте воспроизведены приметы поминок на кладбище: «коливо» (поминальное блюдо), нищие, причитающие родственники, священник. Здесь, как и в приведенных выше произведениях, Есенин не использует само слово «смерть». Даже у мертвых есть свои «жилища», причем такие, которые посещают живущие на земле

люди. Так происходит сближение этого, земного, и нездешнего миров. Связующим звеном между двумя мирами становятся птицы – «небесные птахи». Они являются и обитателями земли, и небесными странниками. Так Есенин еще теснее связывает земной и небесный миры.

В стихотворении «Кручина» о смерти вновь не говорится, но ее предвещают приметы, которые наводят на девушку печаль: «На березке пообъедена кора, – / Выживают мыши девку со двора. / Бьются кони, грозно машут головой, – / Ой, не любит черны косы домовой» [4, с. 30]. Смерть предвещает и природа, поэтому волнуемая многочисленными предзнаменованиями девушка проникается мыслью о неизбежности своей быстрой кончины: «Ходит девушка по бережку грустна, / Ткет ей саван нежнопенная волна» [4, с. 30].

Если в тех стихотворениях есенинской книги «Радуница», которые посвящены весеннему пробуждению природы и описанию годового цикла, нет трагического ощущения, поскольку смерть является залогом скорого весеннего возрождения, то в произведениях, где говорится о смерти людей, звучат трагизм, грусть, печаль от невозполнимой утраты. Но вместе с тем в целом «Радуница» – книга не о страхе гибели, а о вечном круговороте жизни и смерти, осмысленном еще нашими предками и закреплённом в многочисленных обрядах, бережно вплетённых автором в литературную канву.

Список литературы

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: опыт сравнительного изучения славянский преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. Москва: Современный писатель, 1995. 396 с.
2. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Санкт-Петербург: Наука, 1993. 237 с.
3. Даль В. И. Словарь живого великорусского языка. Санкт-Петербург, Москва: Товарищество М. О. Вольф, 1907. Т. 3. 1467 стб.
4. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 тт. Т. 1. Москва: Наука; Голос, 1995. 672с.
5. Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума (б. Майкова), 1877. 216 с.
6. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. Санкт-Петербург: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. 526 с.

7. Никифоровский М. Русское язычество: опыт популярного изложения научных сведений о языческой религии русских славян. Санкт-Петербург: Типография духовного журнала «Странник», 1875. 125 с.
8. Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. Санкт-Петербург: П. П. Сойкин, 1912. 2464 стб.
9. Пропп В. Я. Русские аграрные праздники: опыт историко-этнографического исследования. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1963. 143 с.
10. Скороходов М. В., Коломийцева Е. Ю. Есениниана русского зарубежья: эмигрантская газета «Новое русское слово» – к 25-летию со дня смерти Есенина // Современное есениноведение. 2015. № 4 (35). С. 10–20.
11. Снегирев И. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Москва: Кучково поле, 2011. 543 с.
12. Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 5. Санкт-Петербург: Типография Министерства внутренних дел, 1848. 619 с.
13. Хомяковский Г. <Рецензия на книгу> «Радуница» С. Есенина // Друг народа. 1916. № 1. С. 76–78.

References

1. Afanasiev A. N. Poetic views of the Slavs on nature: the experience of a comparative study of Slavic traditions and beliefs, in connection with the mythical tales of other kindred peoples. T. 2. Moscow: Modern Writer, 1995. 396 p. (In Russ)
2. Baiburin A. K. Ritual in traditional culture. St. Petersburg: Nauka, 1993. 237 p. (In Russ)
3. Dal V. I. Dictionary of the Living Great Russian Language. St. Petersburg, Moscow: M. O. Wolf, 1907. Vol. 3. 1467 stb. (In Russ)
4. Yesenin S. A. Complete Works: in 7 vols. T. 1. Moscow: Nauka; Voice, 1995. 672 p. (In Russ)
5. Kalinsky I. P. Church-folk calendar in Rus'. St. Petersburg: Printing house of V. Kirshbaum (former Maikov), 1877. 216 p. (In Russ)
6. Maksimov S. V. Unclean, unknown and cross power. St. Petersburg: R. Golike and A. Vilborg Partnership, 1903. 526 p. (In Russ)
7. Nikiforovsky M. Russian paganism: the experience of a popular presentation of scientific information about the pagan religion of the Russian Slavs. St. Petersburg: Printing house of the spiritual magazine "Wanderer", 1875. 125 p. (In Russ)
8. Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary. T. 2. St. Petersburg: P. P. Soikin, 1912. 2464 stb. (In Russ)
9. Propp V. Ya. Russian agricultural holidays: the experience of historical and ethnographic research. Leningrad: Leningrad University Press, 1963. 143 p. (In Russ)
10. Skorokhodov M. V., Kolomiitseva E. Yu. Eseniniana of the Russian Diaspora: the emigrant newspaper "New Russian Word" – on the 25th anniversary of Yesenin's death // Modern Eseninovedenie. 2015. No. 4 (35). pp. 10–20. (In Russ)
11. Snegirev I. Russian folk holidays and superstitious rites. Moscow: Kuchkovo pole, 2011. 543 p. (In Russ)
12. Tereshchenko A. V. Life of the Russian people. Part 5. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1848. 619 p. (In Russ)
13. Khomyakovsky G. <Review of the book> "Radunitsa" by S. Yesenin // Friend of the people. 1916. No. 1. P. 76–78. (In Russ)

*

Поступила в редакцию 12.08.2022